

ВОСКРЕСНЫЙ ВЛАДЫКОРЕЕТ

ВЕЩНИК РУССКОГО БЛАГОЧИННЯ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

АВГУСТ 2012

СВЯТЫЕ БЛАГОВЕРНЫЕ КНЯЗЬЯ СТРАТОТЕРПЦЫ БОРИС И ГЛЕБ

Борис и Глеб получили себе венцы нетленные, их жертва способствовала христианской вере на Руси, а их молитвенная помощь сопровождала русских князей в истории.

Чтобы понять первых русских святых, необходимо разобраться в перевороте, который произошел в общественном сознании в X-XI веках после принятия христианства на Руси.

Языческое мировоззрение было основано на вере, что в загробной жизни человек будет тем, кем он был на земле. Если умер на коне, навечно будет хозяином. Если умер рабом — навсегда раб.

Почетно умереть с оружием в битве и навсегда остаться воином. Сила вызывает уважение. Кто слаб — сам виноват. Отец снабжал наследника только мечом, остальное нужно было добыть самому. При погребении язычников, с покойником хоронили нажитое им имущество, вплоть до кораблей и жен. Все это понадобится в будущей жизни.

Христианство проповедует совсем иной подход. Притча о богаче и Лазаре (Лука, 16:19-31) показывает, что вечная жизнь не зависит от мирских благ. Нищий в раю за смирение, богач в аду за гордость. Нагим человек приходит в мир, нагим и уходит (Еккл.5:14), богатство с собой в могилу не возьмешь.

Как воспринять эту идею? Как перейти от жадности наживы к нестяжательству? Необходим личный пример.

Великий князь Владимир Святой подавал пример своим поданным, отказавшись от гарема, отменив смертную казнь, распорядившись оказывать помощь больным и бедным. Прекратились тризны и захоронения имущества.

Старшие дети Владимира были рождены во то время, когда князь пытался ещё укрепить языческую веру. Страсти тогда кипели нешуточные. Святополк родился от гречанки, бывшей монахини, которую Владимир взял в жены после брата, который им был свергнут с престола. Ярослав родился от Рогнеды Полоцкой, у которой Владимир убил отца и братьев. А затем сама Рогнеда пыталась убить Владимира, приревновав к Анне Византийской. Тогда на глазах четырехлетнего Ярослава Владимир чуть не расправился с бывшей женой.

Борис и Глеб были младше, родились примерно в годы Крещения Руси, и с самого детства воспитывались в христианской вере. Их мать была из Волжской Булгарии.

Когда сыновья Великого князя стали взрослеть, Владимир поручил им управление территориями. Это было принято на Руси, но впервые все земли были отданы в управление великокняжеским сыновьям. Назначение княжичей правителями земель было необходимо для единства управления, преодоления местного сепаратизма.

Однако назначение родственников на управленческие должности не способствует

эффективности управления. Княжеские сыновья склонны были проявлять самоуправство, и их сложно привлечь к ответственности.

Святополк, получивший в княжение туровскую землю (южная Белоруссия), заключил союз с польским королем, и в 1013 году попытался выступить против отца. За что был посажен Владимиром в тюрьму в Киеве.

Ярослав, получивший в управление богатейший Новгород, зимой 1014 года решил не отправлять отцу дань. (То есть присвоить себе налоги с Новгородской земли). Владимир начал готовиться к войне с другим сыном. В это время прошел слух, что на Киев наступают печенег. Поход на Новгород был отложен, войско с княжичем Борисом отправлено в степь. В это время летом 1015 года Владимир Святой внезапно умирает.

Владимир отправляет Бориса на границу.

Святополк присутствует при погребении Владимира.

Кто из сыновей унаследует великое княжение? Начнется ли братоубийственная война как было между Владимиром и Ярополком?

Владимир при жизни считал наследником сына Бориса, считая его верным сыном и продолжателем своей политики. В княжение Борису было вначале определена Вольнь (Западная Украина), затем Муром (один из древнейших городов), затем Ростовская земля. Однако Владимир не отпустил сына в Ростов и держал его при себе в Киеве, намереваясь передать ему великое княжение. Борис был женат на Эгнес, датской принцессе. (см. «Генеалогия древнерусских князей. Е.В. Пчелов)

Борису было поручено оборонять Киев от печенегов.

После смерти Владимира в самом выгодном положении оказался Святополк. Узы киевской тюрьмы не были тяжелыми для княжеского сына, видимо — это был домашний арест. Зато он один оказался в столице во время смерти отца. И не замедлил воспользоваться своим положением. Святополк объявляет себя великим князем, и его задача — избавиться от соперников, скорей, пока они не предприняли что-то.

Основной соперник — Борис, и к нему незамедлительно посланы убийцы. Что делает князь? Он отказывается поступать как язычник. Он не включается в борьбу за власть, он христианин. Он предпочитает пострадать, но не идти против совести. Примеру Бориса следует Глеб.

И это стало нравственной победой святых братьев. Впечатление от их поступка было настолько велико, что вся земля признает их святыми. Это был переворот от языческого сознания, от властолюбия и наживы, к христианству, достижению духовного и нравственного идеала.

Святополк убил конкурентов, но проиграл. Его власть ничего не дала ему. Он сгинет в безумии неизвестно где.

А Борис и Глеб становятся нравственными образцами. Люди увидели в них князей, не ценящих власть больше всего, но поступающих по совести.

У Владимира были и другие сыновья, погибшие в усобице. Святослав, князь Древлянский, был убит Святополком, но не причислен к лику святых, потому что включился в борьбу за власть и собирался привести венгерское войско на помощь.

Он с оружием в руках пошел на брата. Но он не проклят как Святополк. Недаром Ярослав имел прозвище Мудрый. Многолетними трудами, постройкой храмов, принятием законов заслужил он быть причисленным к благоверным князьям, являя собой образец выдающегося правителя.

А Борис и Глеб получили себе венцы нетленные, их жертва способствовала христианской вере на Руси, а их молитвенная помощь сопровождала русских князей в истории.

Актуальна эта история и в наши дни. Современное мировоззрение близко к языческому. Борьба за власть и наживу, стремление к материальному накоплению, популярность колдунов и ведьм, презрение к «лузерам», «лохам». И так нужны сейчас моральные примеры нестяжательства, милосердия, доброты.

Память святых стратотерпцев Бориса и Глеба совершается 15 мая и 6 августа.

Марина Сергеева

По материалам сайта «Православие и мир»

ЛЕТНИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЛАГЕРЬ РУЗСКОГО БЛАГОЧИНИЯ СУТКА-ИЛЬДЬ-2012

1 июля стартовал очередной летний православный семейный лагерь Рузского благочиния. Малые семьи объединились в одну большую христианскую семью с помощью совместного труда, совместной молитвы и совместного отдыха на лоне природы.

Практически весь прошлогодний состав собрался и в этом году, только ехать предстояло уже на другое место.

Как и в прошлом году, начальником лагеря стала одна из самых активных мам – **Светлана Цветкова**, завхозом – активистка-бабушка **Ольга Шпаковская**, духовником, организатором и вдохновителем – **протоиерей Игорь Лепешинский**.

Огромную роль в организации лагеря, его быта и мероприятий сыграли папы **Николай Довженок** и **Сергей Махров**.

В программу лагеря были включены паломнические поездки по монастырям и храмам Ярославской области, посещение исторических городов Углича и Мышкина, волейбол и спортивные игры на свежем воздухе, трудотерапия в монастыре, песни под гитару и многое другое.

Как и в прошлом году был приглашен знаменитый педагог, детоводец, постановщик богатырских боев **Ричард (Олег) Валентинович Соколов**, прибывший в лагерь с супругой и внучкой.

1 июля, день первый

Старт из Рузы. Предстоит проехать около 400 километров, найти стоянку в чудесном сосновом бору на берегу Рыбинского водохранилища и оборудовать лагерь. За окном автомобиля проносятся древние русские города Клин, Талдом, Углич, Мышкин. Ищем место для стоянки. С сосновым бором явно погорячились, места такие, что или вода, или сосновый бор.

Приходской «УАЗ Патриот» бороздит просторы отечественного бездорожья. Но вот перед нами деревня с чудесным названи-

рушенным. За храмом находится и место для лагеря, правда, не сосновый бор, но березовая рощица в устье реки Сутки неда-

ем «Кузьма и Демьян» и величественным Космодемьянским храмом, пока, к сожалению, раз-

леко от места впадения этой реки в Волгу. После того, как место облагородили и привели в поряд-

док, жизнь потихоньку стала налаживаться.

2 июля, день второй

Отдыхаем от первого дня. Купание в реке, налаживание быта. Надуты лодки, подвешены моторы. Катание на лодках, изучение акватории. Места замечательные, река Сутка в устье разбивается на плесы, напротив нас – остров. Неподалеку – место слияния рек Сутки и Ильди, немного дальше – Волга.

3 июля, день третий

Часть экспедиционеров превращается в паломников и едет в находящийся неподалеку Мологский Покровский женский монастырь. В монастыре нам устраивают просто сказочный прием. Игуменья Феодорита начинала восстанавливать монастырь одна с полных руин, в сестринском корпусе с потолка сыпались крысы. Сейчас монастырь приведен в порядок, в нем подвизаются три монахини и несколько послушниц. Послушницы проводят экскурсию по монастырю, рассказывают об истории его восстановления. Памятное фото на память.

Затем едем в Углич. На фоне царских палат древнего Угличского Кремля проходят поединки рузских богатырей. Вечерня в Воскресенском мужском монастыре.

4 июля, день четвертый

Послушание в монастыре. Знакомство с матушкой Феодоритой. Вечером – усиленная рыбалка. Килограммовый судак уходит прямо у лодки. Народ требует ухи. Установлена волейбольная сетка. Дети играют в волейбол.

5 июля, день пятый

Пойман СОМ!!! Безмен показывает шесть килограммов и ломается. Счастливые лица рыбаков. Маленькие неприятности: заглох мотор, опрокинулась каша, кажутся аки не бывшими.

Уху из головы и хвоста едим два дня. На второе – копченый сом, судачки и щучки на гриле. Вылазка за земляникой, которой в этих местах изобилие.

Вспомнилась чудесная песня знаменитого барда Вадима Егорова:

«Под ковер зеленый загляни-ка:
Земляника всюду, земляника
И шмели, и шмели, и шмели.
Что ж это за чудо, что же это?
Это чудо — это просто лето
У земли, у земли, у земли».

Всенощное бдение в Мологском монастыре. Вечером – песни у костра.

6 июля день шестой

Праздничная литургия в храме в честь иконы Божией Матери Владимирская в Некоузе. За богослужением молятся сестры Покровского монастыря и наши паломники.

Часть экспедиционеров на лодках совершает выход в открытое море – Рыбинское водохранилище. Под лодкой навигатор показывает затопленные

деревни. Острова, сосновые боры, песчаные пляжи. Пейзаж напоминает Белое море.

Посещение города Мышкина также дает массу впечатлений.

7 июля день седьмой

Решающая богатырская битва. По сценарию тевтонские рыцари захватывают в плен русских девушек, но вдруг, откуда не возьмись, появляются русские богатыри. Долгая битва, в том числе и с комарами, заканчивается победой богатырей. Девушки оказывают помощь «раненым». Общее ликование и счастливый финал.

Прощальный вечер у костра. Дети поют песни, читают стихи и даже показывают фокусы. Взрослые подводят итоги: получилось хорошо. Масса впечатлений, никто не заболел и не получил травму. Удалось совместить труд, молитву и летний отдых, потрудиться в монастыре и посмотреть новые места.

Игорь Нефедов

*Тридцать три богатыря**Иду на вы**Юные послушницы Мологского монастыря**Отпусти ты, старче, меня в море...**В трапезной Мологского монастыря**Перед битвой*

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

рассказ

Я женился 27 июля 1989 года. Давненько. Точная дата в этой истории имеет большое значение. Ее следует запомнить. Если бы я женился четырьмя днями позже, не о чем было бы рассказывать.

Кстати, правильно ли говорить «Я женился»? В одиночку жениться трудно. Практически невозможно. В кино ты еще можешь сходить один. И пообедать можешь. И в речке искупаться. А вот жениться — никак. Значит, получается, «мы женились».

Тем же летом за две недели до свадьбы меня приняли в Университет, на факультет журналистики. К тому времени за плечами уже остались два года в Политехе, еще столько же — в армии, в Заполярье, ну и годик на Подготовительном отделении. Сокращенно ПО, а по-старому, рабфак. В общем, солидный был такой мужчина, двадцати двух лет. Бороду даже носил. Работал сторожем сутки через трое. Еще уборщиком в школе по утрам. Зарабатывал 195 рублей в месяц. К тому же увлекся коммерцией. Ездил уже несколько раз в Польшу. Торговал. Сами видите, действительно солидный мужчина. Взрослый. Самостоятельный.

А невеста моя — ну, дите-дитем. Совсем не такая, как я. Я закаленный — она домашняя. Я огромный и бородатый. А она — маленькая. Пигалица такая. У меня за пазухой помещается. Я люблю асимметрию — а она симметрию. Я люблю драматический театр — она оперу. Я ругаюсь — а она и слов таких не слышала и даже во дворе никогда одна не гуляла. Я люблю деревню — а она свинью живую не видела. Я пью водку — а она вообще не пьет. Я деньги зарабатываю — а она думает, что булки растут не на деревьях, а на грядке. Ну, и понятно, что при таком наборе жить мы друг без друга не можем. Ну, просто никак.

Разве этого не достаточно для совместной жизни? Разве это, собственно, и не есть Любовь? А что же тогда такое Любовь, по-вашему? В общем, посудите сами, как тут было не жениться? Ну, я и женился. Т.е. мы — женились.

Медовый месяц мы начали проводить в Риге. Тогда, знаете, можно было поехать на Конюшенную площадь в «Лентрансагентство», показать бумажку из Дворца бракосочетаний и за восемь рублей купить путевку на двоих в Ригу. Семидневное проживание для молодоженов в гостинице «Рига» и купейные билеты в оба конца — включены. Мрачное советское прошлое.

Вернувшись из Риги, мы продолжали наш медовый месяц у ее бабушки на даче. Там же жили ее родители. И ее дядя с семьей. И еще приезжали какие-то ее родственники. Вот за привыканием к своей новой многочисленной родне я и коротал остатки летних каникул. Точнее сказать, мы коротали. Я привыкал к ней. Она привыкала ко мне. Мы привыкали друг к другу. И к родственникам. Ну а с родственниками, сами понимаете, тот еще медовый месяц. Поэтому, отбив положенный срок, мы в конце августа сбежали, наконец, в город, в нашу маленькую семиметровую комнату в коммуналке. В этом малогаба-

ритном гнездышке нам, собственно, и предстояло строить новую молодую семью. Ячейку общества, как тогда говорили.

И тут нам обоим на голову неожиданно сваливается сентябрь. Медовый месяц заканчивается. Мне — в Университет, ей — в институт Культуры. Мне на первый курс, ей — на третий. Мне в журналисты, ей — в музыканты. Начинается учеба.

27 августа в 10 часов утра было назначено собрание нашего курса на факультете журналистики. А надо заметить, что накануне, еще не зная о теме собрания, я читаю в газете «Смена» статью. Статья о студентах и о колхозах. О том, что теперь перестройка и гласность. И вообще новое отношение к личности. И студенты теперь совсем не рабы, а будущее народного хозяйства. И главная задача студента — учиться. Поэтому все дополнительные нагрузки, как то: овощебаза, уборка и ремонт аудиторий и, между прочим, колхоз — все отныне исключительно на добровольных началах. И наш Ленинградский обком комсомола встал, так сказать, на защиту студенчества и даже издал специальное постановление. И все студенты, кого к чему-либо кроме учебы принуждают, могут позвонить по телефону секретарю Обкома Андрею Л.

Ну я прочитал-то прочитал, и забыл. А сам на собрание первокурсников побежал. Публика, надо сказать, собралась, в основном, детская. Безусые юнцы сразу после школы. Всем по семнадцать лет. И всего этой детворы на курсе человек около пятидесяти. А нас ПО-шников, которые после армии, человек семь. Малыши все чего-то бегают, шумят. Только что за косички девчонок не дергают. Ну и мы, старики, сидим в углу. Готовые к труду и обороне.

Начинается собрание. Куратор курса, назовем его Иван Яковлевич, поздравляет нас с поступлением, с зачислением, с началом учебного года и предлагает всем собраться рано утром первого сентября на Балтийском вокзале для отъезда в колхоз. На три недели.

Ну то есть, кто жил и мыслил, тот понимает, что ничего Иван Яковлевич не предлагает. А просто объявляет. Ставит перед фактом:

— Первого сентября первый курс выезжает в колхоз на уборку турнепса. Место дислокации совхоз «Рассвет», Волосовский район. Отъезжающим собраться на Балтийском вокзале возле касс в 7:25 утра. Вопросы есть?

Тут же его закидывают вопросами. В основном, девчонки. Что брат, что не брат. Да какие условия проживания. Да, есть ли душ. Да можно ли будет уезжать домой. Ну и прочая галиматья. Братья мои ПО-шники тоже вливаются в общую ажитацию. Вопросов глупых не задают, но промеж себя горячо обсуждают. Сколько брат с собою литров. Да брат ли закуску. Да будет ли магазин. Или нужно запастись на все три недели сразу. В итоге приходят к тому, что для начала надо взять столько, сколько понадобится в электричке. Ну и еще на первые три дня. А там посмотрим. Если чего, то можно и в город смотать.

В это время Иван Яковлевич продолжает терпеливо отвечать на вопросы девчонок и, в надежде на окончание собрания, опять вопрошает:

— Какие еще есть вопросы?

Секундой спустя. В полном молчании. Когда слышно лишь нетерпеливое дыхание первокурсников. Из глубины аудитории раздаются спокойный и наглый голос:

— У меня есть вопрос.

— Да. Я слушаю Вас.

— А что делать первого сентября тем, кто в колхоз не поедет?

— Простите?

— Что делать тем, кто не поедет в колхоз?

— То есть, как не поедет? И кто не поедет?

— Ну, я! Я не поеду.

Здесь уже пора признаваться, что голос этот наглый был мой. Это я произнес «Ну, я!»

Честно скажу, меня это известие о колхозе резануло прямо по сердцу. Прямо по живому! Ужас, как резануло. Похолодел просто весь. Или, наоборот, в жар кинуло, и вспотел сразу. Не помню.

Уехать в колхоз! На три недели! Ничего себе! То есть я сейчас только пару часов как от жены, скрепя сердце, вырвался. Из нашего семиметрового гнездышка. И жду сейчас не дожусь, когда к ней в это гнездышко обратно вернусь. А она!? Да я понимаю, что она умрет просто сразу же от такой разлуки. Как узнает, что мне нужно уехать, сразу и умрет. Ведь она ж у меня птичка-пичужка, пташка малая. Сердечко у нее и без того: дынь-дынь, дынь-дынь... А они — колхоз. Да еще на три недели. В принципе я даже и не взвешивал: ехать-не ехать. Невозможно ехать! Значит, не ехать и все. Пускай из Университета глянут!

— Я не поеду.

— Простите, почему? Вы больны?

— Нет, я здоров.

— Тогда в чем же дело?

— Не хочу.

— То есть, как не хотите?

— Так. Не хочу и все. Постановление есть, — вспоминаю я, — обкома комсомола: в колхоз — только те, кто хочет. А вот я не хочу.

— Позвольте, позвольте, — не готов мириться с моей наглостью Иван Яковлевич, — постановление постановлением, но ведь должны же быть причины! Уважительные причины! У Вас есть уважительная причина, чтобы не хотеть ехать в колхоз?

— Хорошо, — не выдерживаю я и уклоняюсь от выбранной прежде линии, — у меня есть причина. Я недавно женился.

— У-ф-ф! — радостно вздыхает Иван Яковлевич, — Медовый Месяц! Ну, конечно, конечно. Я Вас поздравляю! Медовый месяц — это уважительная причина. Вы, разумеется, можете не ехать в колхоз. Садитесь.

Я сажусь в блаженном успокоении. Отбил. Иван Яковлевич собирает на кафедре свои бумажки. Уже готовится объявить об окончании собрания. Но тут ему в голову приходит одна важная мысль.

— Э-э, простите, как Вас зовут? — обращается он ко мне.

— Забежинский Илья.

— Хорошо. А скажите, Илья. Когда Вы женились? Ну, какова дата Вашей свадьбы, чтобы я описал в отчете причину, по которой Вы не можете поехать.

— Я женился 27 июля этого года.

— Хорошо. Хорошо. 27 июля. Это хорошо...но позвольте! Ведь медовый месяц сегодня уже закончился! Вам придется ехать.

— Я не поеду!

— Почему?

— Не хочу.

— Но почему? Почему?

— Я же Вам сказал. Я недавно женился. Я люблю свою жену и не могу от нее уехать.

— Но ведь Ваш медовый месяц уже истек!

— Ну и что? А я все равно не поеду. Не хочу уезжать от жены, понимаете! Я ее люблю!

Иван Яковлевич морщится.

— Причем тут «люблю—не люблю». Знаете что? Пойдемте к декану. Пусть он решает, что с Вами делать.

Мы идем к декану. Иван Яковлевич оставляет меня в коридоре и заходит сначала один. Через две минуты он выскакивает и увлекает меня в кабинет:

— Пойдемте-пойдемте. Сейчас Вам все скажут.

Зайдя в кабинет, Иван Яковлевич вдруг меняет свою спокойную речь с ласкового придыхания на нервный визг и стремительно выпаливает:

— Вот, Георгий Никифорович! Вот этот не хочет ехать в колхоз! — и толкает меня к столу.

Декан поднимает голову от важных бумаг. Он смотрит на меня. Я смотрю на него. Он мне нравится. У него шотландская борода. И, разумеется, трубка в зубах. Еще одна трубка в зубах у Есенина. Есенин слева. Третья трубка в зубах у Хемингуэя. Хемингуэй — справа.

Видно, что административная работа декану неприятна. Так же, как она была бы неприятна Есенину и Хемингуэю. Студенты и подчиненные декана утомляют. А тут еще учебный год не начался, а уже привели какого-то первокурсника. Похоже, наглого. Много их развелось нынче наглых.

— Вы не хотите ехать в колхоз? Почему? По какой причине? — декан пыхтит трубкой.

— Нет никакой причины. Просто не хочу. Вот есть постановление обкома. Имею право.

— Понятно-понятно. Про постановление мы слышали. Но ведь и у Вас же должна быть какая-то причина? Ведь не просто так Вы не хотите.

— Хорошо. У меня есть причина. Я недавно женился.

— О-о-о! — радостно восклицает декан, — Медовый месяц! Я Вас поздравляю! Конечно, Вы можете не ехать. Это все меняет!

— Спасибо, — говорю я.

— Но, Георгий Никифорович, — вмешивается Иван Яковлевич, — Вы не знаете всех подробностей!

— Подробностей? — удивленно вскидывает бровь декан, — каких еще подробностей?

— Дело в том, что он женился 27 июля. А сегодня 27 августа!

— Ну и что? — хмурится декан, — Что из этого следует?

— А из этого следует, — Иван Яковлевич говорит убедительно и с пафосом, — из этого следует, что сегодня исполняется ровно месяц с того дня, как он женился!

— Ну, так я Вас поздравляю с этим событием! — поворачиваясь ко мне, расплывается в улыбке декан, — Первый семейный юбилей, так сказать. Понимаю, — он вздыхает, откладывая трубку в сторону, — Понимаю. А ведь первый месяц не легко дается! Да? — он опять вздыхает, — Впрочем, как и последующие несколько сотен месяцев, — произносит он уже с некоторой грустью. — Интересная штука жизнь. Интересная! — и он еще раз вздыхает.

— Дело не в юбилее, — утомленно говорит Иван Яковлевич.

— А в чем? — разочарованно спрашивает декан.

— Дело в том, что месяц кончился.

— Кончился? Какой месяц?

— Месяц со дня свадьбы.

— Ну и что!? — восклицает декан. — Будут у них еще и другие месяцы. И еще много и много других месяцев... Я вот, например женат уже 26 лет. А это сколько же? — он считает, — А это, молодой человек, уже целых 312 месяцев! Вот так! Желая и Вам дожить до моих седин, так сказать. И счастья... тоже...желаю! — произносит он с комком в горле. Потом берет со стола трубку, раскуривает ее и снова углубляется в бумаги.

— Пойдите, пойдите, — почти рыдает Иван Яковлевич, — Георгий Никифорович! У него медовый месяц закончился, понимаете?! У него медовый месяц закончился сегодня! А в колхоз ему ехать через 4 дня!

— Ах, вот какое дело... — откладывает опять трубку декан и расстраивается, — Ах, вот оно что... Да, голубчик, сочувствую, но...придется Вам все-таки ехать в колхоз. Ничего поделывать нельзя, — он листает календарь, — Видите ли, голубчик, если бы Вы женились, например 1 августа, — пытается он меня утешить, — то Ваш Медовый месяц на момент отъезда еще не истек бы. И мы могли бы освободить Вас от поездки. А так...Вам придется ехать.

— А впрямь, мой дорогой, такие вещи надо планировать, хе-хе, заранее... Надо же, четыре дня каких-то! — он раскуривает трубку и опять улыбается.

— Я не поеду, — спокойно говорю я.

— Не понял, — говорит декан, откладывая трубку, — почему?

— Не хочу. У меня молодая жена. И я ее люблю. И не могу ее бросить. И потом, Вы же знаете, есть постановление обкома.

— Послушайте, молодой человек! — возвышается на меня свой голос декан, — У меня, если хотите знать, вообще не было никакого медового месяца! Когда мы женились, — он практически переходит на крик, — она была уже на седьмом

месяце. А в Вашем возрасте воздержание вообще полезно! — почему-то добавляет он.

— Не поедете в колхоз, — пытается завершить разговор Иван Яковлевич, — мы Вас просто отчислим. Отчислим и все. За прогулы занятий.

— Вы на меня не кричите, — говорю я, — Я никуда не поеду. Потому что я только женился. И с женой расставаться не намерен. Мы слишком любим друг друга, и расстаться нам сейчас невозможно. А если Вы меня отчислите, я пойду жаловаться в обком.

— Знаете-ка, что?! — сквозь зубы выдавливает слова декан, — Знаете-ка, что?! — уже взрывается он, — Идите-ка Вы, молодой человек, ... в обком. И возьмите-ка у них бумагу, что Вы действительно имеете право не ехать в колхоз. Принесите-ка ее в деканат. Вот тогда и поговорим.

Я еду в Смольный. В обком комсомола.

А обком комсомола размещался в одном из флигелей монастыря. Наверху купола — внутри коридоры. И кабинеты, кабинеты, кабинеты. Я нахожу секретаря по работе со студентами Андрея Л., и он заводит меня к себе в комнату. Это действительно не кабинет, а комната. Какие-то столы стоят совсем не деловые. Совсем не солидные. Всюду навалены бумаги. В углу громоздятся покореженные кумачовые транспаранты. Бюст Ленина на белом фанерном постаменте. Почему-то очень неопрятный. Маскировочная занавеска на окне. Валяются развернутые плакаты и папки. Все время забегают и выбегают какие-то люди. Спрашивают какого-то Филимонова и, не найдя его, убегают. Такая обстановка в духе Павки Корчагина, что ли. А тут Андрей этот, секретарь. От которого вся моя жизнь теперь зависит. Ну, и жизнь моей жены, естественно. Он присаживается на угол заваленного бумагами стола. Наклоняется ко мне. Улыбается. Такой простой вроде парень. Старше меня, конечно, лет тридцати-тридцати пяти. Русоволосый. Высокий. Открытое мягкое лицо. Озорные глаза.

— Ну что, рассказывай. Как там тебя аппаратчики замучили. Боремся, понимаешь, с аппаратом. Боремся! Надо, брат, все перестраивать.

— Перестройка — это, брат, дело такое. Никто, главное, толком не понимает как. Но, главное, все понимают, что надо перестраивать. И я вот тоже думаю. Надо, прежде всего, от аппаратчиков избавиться. От них главная беда. Надо сделать социализм ближе к людям. Надо открыться для людей! Надо идти к людям! Ну и перестраивать все! Все перестраивать! И вот когда все перестроим. Вот тогда такая жизнь начнется! Такая жизнь! Ну, просто замечательная! Настоящий социализм будет.

— Ну. А у тебя, Илья, какие проблемы? Давай, не стесняйся, рассказывай. Сейчас подмогнем. Наше дело правое, так сказать. Давай.

— Понимаете, Андрей, — объясняю я, — нас отправляют в колхоз. Наш первый курс. А вы вот на днях издали постановление, что в колхоз теперь только по желанию. А декан обещает меня отчислить, если я не поеду.

— Да, Илья. Проблема твоя понятна. Постановление мы издали. И это правильное поста-

новление. Студенты должны учиться. Студенты – будущее нашей страны! Перед нами стоят большие задачи! Огромные! Студенты должны овладеть знаниями! А вот аппаратчики все время норовят им помешать! Понимаешь? Все время! Вот и декан твой ведет себя как настоящий аппаратчик. Так что ты прав абсолютно. В колхоз теперь – только по желанию. Точка!

– А Вы могли бы написать мне бумагу в деканат, что я действительно могу не ехать в колхоз?

– Конечно, можем. И напишем. Обязательно напишем. А ты по какой причине не можешь ехать в колхоз-то?

– Да ни по какой. Просто не хочу.

– Что-о-о?! Что значит – не хочу? Подожди-подожди, Илья. Колхоз – дело добровольное. Но ведь должна же быть причина?! Нельзя же просто сказать: я не хочу.

– Ну, хорошо. Есть причина. Я недавно женился.

– А-а-а! Медовый месяц! – радуется Андрей и трясет мне руку, – Ну-у-у! Илья-а! Поздравляю! Что ж ты сразу не сказал! Медовый месяц – это святое! Конечно, можешь не ехать в колхоз! Конечно! Ух, эти аппаратчики у вас в Университете! Ух, доиграются! – и он грозит пальцем ненавистным ему аппаратчикам.

– Ну... И когда ж ты женился, рассказывай?

– Да, недавно. 27 июля.

– Постой-постой. Так ведь и сегодня 27-е. Только августа. Это что ж получается? Медовый месяц-то у тебя прошел. Так что получается, надо тебе ехать, брат. Надо.

– Я не поеду, – говорю я.

– То есть как это? Как не поедешь? – он вскакивает со стола. – Комсомол говорит ему – поезжай, а ты не поедешь? Не понимаю!

– Но вы ведь сами издали постановление, что в колхоз только по желанию!

– Да, Илья. Мы издали. И это постановление правильное. Люди должны иметь право выбора. А иначе аппаратчики им головы так накрутят! Так накрутят. Ведь ни во что же человека не считают. Ни во что! – он шагает по комнате.

– Да пойми ж ты, дурья твоя башка! В колхоз никто тебя заставить ехать не может. Это факт.

Для того и постановление принято. Но чтобы не ехать в колхоз, нужна какая-то уважительная причина! Уважительная, понимаешь?! А у тебя ее нет.

– Но у меня же есть причина! – тут уже я срываюсь на крик, – У меня есть уважительная причина! Я недавно женился! У меня молодая жена! Я люблю ее. И я не могу, понимаете, не могу уехать сейчас от нее! Можете не писать мне никаких бумаг. Можете отчислить меня из Университета! Но я все равно не поеду!

– Постой-постой, – начинает что-то по своему соображать секретарь, – Постой-постой. То есть ты хочешь сказать...ну, что она...ну, что ты...в общем, что ты в ней не уверен? Так что ли? Поэтому боишься уезжать? Я правильно тебя понял?

Господи, ну как им объяснить?

– Ладно, – киваю головой, – Правильно.

– Да, брат, – секретарь присаживается рядом и обнимает меня за плечи, – бабы – это такое дело, брат...такое дело...

Через полчаса я выхожу из обкома с письмом следующего содержания, напечатанном на бланке:

«ЛГУ им. А.А. Жданова

Факультет Журналистики

Деканат

Областной комитет ВЛКСМ в свете решения апрельского Пленума ЦК КПСС о повышении уровня Высшего образования, а также руководствуясь постановлением о «Добровольности привлечения студентов Высших учебных заведений к общественным и сельскохозяйственным работам» ходатайствует об освобождении студента 1 курса Забежинского Илья от поездки в совхоз «Рассвет» Волосовского района Ленинградской области в период с 1 по 22 сентября по семейным обстоятельствам.

Секретарь обкома по работе со студентами Андрей Л.»

С этой бумагой на перекладных добираюсь я к вечеру до факультета. Декана уже нет. Но у себя в кабинете сидит заместитель декана, Юрий Иванович. За спиной Юрия Ивановича на стене висит портрет писателя Василия Белова. Я сту-

чусь, захожу и протягиваю ему бумагу. Юрий Иванович читает документ, смотрит на меня и, слегка окая, спрашивает:

– Так-с. По семейным обстоятельствам, значит. Случилось чего? Все здоровы?

– Случилось! – радостно отвечаю я, – Случилось! Я женился недавно!

– А! Понимаю, – улыбается Юрий Иванович, – Медовый месяц! В медовый месяц колхоз отменяется!

– Да-да, – говорю я, – да-да.

– Ну, а скучать Вам, Забежинский, не придется, – продолжает улыбаться Юрий Иванович, – Первого числа ждем Вас тут, на факультете. Пока товарищи Ваши в колхозе трудятся, будете со вторым курсом на третьем этаже стены красить.

– Конечно-конечно, – откланиваюсь я в дверях, – Конечно-конечно, Юрий Иванович, мы все покрасим, – лопочу я. И не дерзаю напомнить ему о постановлении обкома.

Ночью поздно, обнимая засыпающую жену, я рассказываю ей историю своих походов и одержанных сегодня побед.

– Ты волшебник, – сонно трется она щекой о мою руку, – Я всегда знала, что ты у меня – волшебник!

Сейчас прошло после той истории уже больше двадцати лет. Поменялись люди. Изменилось время. И я частенько теперь задаю себе вопрос: а вот я нынешний. Сорокапятилетний. Ровесник героев этого рассказа, которым было никак меня не понять тогда. Вот я сам-то понял бы теперь, о чем просит меня этот нахальный влюбленный первокурсник?

Я сижу за компьютером и дописываю рассказ. Жена стоит у меня за спиной. Ворошит мне волосы и поверх головы читает последние строчки этой истории:

– Ты бы понял, Аронич. – говорит она, – Ты бы его понял. Потому что ты и сейчас такой же ненормальный, как и был. Ну и съездил бы в колхоз тогда со всеми. Ну и съездил бы. Убыло бы от тебя что ли?

Илья Забежинский

По материалам сайта «Православие и мир»

**Димитрие-Солунскому храму в Рузе
требуется водитель.**

**Обращаться к настоятелю
после 5 августа по тел. 8-916-671-09-84**

Редакция газеты «Воскресный благовест» приглашает к сотрудничеству внештатных корреспондентов, тел. 8—916-671-09-84

ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВЕСТ

Вестник Рузского Благодичия

Адрес в интернет <http://orthodox-ruza.ru/>

Адрес редакции для писем: 143100, Московская область, г. Руза, ул. Дмитровская, д. 12 «Б»

Главный редактор — протоиерей Игорь Лепешинский; **E-mail для писем, комментариев и статей:** dimruza@mail.ru

Распространитель — Алексей Волчков, тел: 8—926—278—28—35

Фото — Игорь Нефедов, Валентина Бобылева, Надежда Петухова

Отпечатана: Типография ОАО «ИД» «Красная звезда»; 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru. Тираж 2500 экз. Заказ № 3146

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в хозяйственных целях. Если газета стала не нужна, то отдайте её ближнему или принесите в храм.